

Тео - театральный капитан

Автор:

Нина Дашевская

Тео – театральный капитан

Нина Дашевская

Тео и вся его семья – театральные мыши. Они поселились в театре давным-давно, поэтому хорошо знают театр изнутри: оркестровая, костюмерная, балетная...

Но большую часть времени Тео проводит на чердаке – там уютно мечтать о далёком настоящем море. И надо же так случиться, что оркестр собирается на гастроли именно туда!

Нина Дашевская

Тео – театральный капитан

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 0+

© Дашевская Н., текст, 2018

© Сиднева Ю., иллюстрации, 2018

Тео – театральный капитан

Меня зовут Тео, и я живу в театре. Некоторые люди тоже говорят «я живу в театре»: значит, они работают тут целый день, а домой уходят только ночевать. Или ещё они говорят: «Вся моя жизнь – в театре!» То есть в жизни у них, кроме театра, ничего интересного не происходит.

Но я-то живу в театре по-настоящему. В этом преимущество мышей: они могут жить там, где им в самом деле нравится.

Моя мама любит оперу. И дедушка с бабушкой любят оперу; поэтому нет ничего удивительного в том, что мы живём в оперном театре. Внизу, под сценой, недалеко от оркестровой ямы. Здание старое, мышам тут просторно.

К тому же, театр – это такое место, где никогда не останешься голодным.

Оркестровая комната

Я в оркестровой комнате. Здесь музыканты готовятся к спектаклям – переодеваются, настраивают свои инструменты, разговаривают. А иногда просто

отдыхают – играют в шахматы, читают... Некоторые ещё пытаются заниматься, учить партии – но это не нравится всем остальным. Поэтому тех, кто стремится к совершенству, обычно выгоняют в коридор.

Сейчас они все в яме. Смешно, да? Ямой называют комнату под сценой, подвал, где сидят музыканты. Так принято в театрах: оркестр не должен загромождать сцену, поэтому он в яме.

Мне слышно, как разыгрывается там оркестр: музыканты проверяют свои инструменты, пальцы, губы. Каких только способов люди ни придумают, чтобы извлекать музыкальные звуки! Они дуют в тоненькие трубочки, дёргают за толстые струны, бьют колотушками в огромные медные котлы – не настоящие котлы, как в сказочной кухне, а литавры: такой музыкальный инструмент. И все эти звуки переливаются, вспыхивают – каждый играет своё. Но мне этого мало. Жду, чтобы началась настоящая музыка. Тогда я буду уверен, что все оркестранты в яме.

Видите ли, в чём дело: у оперных театров есть и один недостаток. В них всегда полно людей! Для мыши, как вы понимаете, человек – не самая лучшая компания. Хотя некоторые люди не так уж плохи. В конце концов, именно они придумали оперу. И кто, как не они, бесконечно тащит в театр еду! Но под ноги им лучше не попадаться.

Оркестр внезапно смолк, осталось лишь тонкое гобойное «ля». Это настройка: сейчас все проверят, звучит ли их «ля» так же, как у гобоя. Подкрутят колки, проверят струны и клапаны... Опять тишина; все стихло, как море перед бурей.

Я не вижу, но и так знаю, что происходит в оркестровой яме. Дирижёр поднял руки. Оркестранты в ответ приготовили инструменты, подняли смычки...

– Там, пам, парам-пам-пам, там-па-рам, пам-пам-па-рам!

– Ура! – кричу я во всё горло. – Началось!

Всё равно меня сейчас никто не услышит за этим весёлым шумом.

Я, честно говоря, не очень люблю балет «Щелкунчик». Там мыши злые, вы же понимаете. Но зато в нём прекрасное начало, когда весь оркестр занят, и ты спокойно можешь пройти в оркестровую комнату. И не торопясь выяснить, кто чего оставил там из еды.

Музыканты любят поесть, поэтому оркестровая комната отдыха полна чудесных запахов. Правда, всё перебивает кофе: чего они находят в этой ужасной, горькой жидкости?

Один раз я нашёл на полу такие славные раскрошенные леденцы, янтарного цвета. Обрадовался, схватил зубами... Оказалось – канифоль. Тьфу! Это такая специальная твёрдая смола, ею нужно натирать смычки. Всё из-за кофе, он перебивает все ароматы, вот я и ошибся.

Хотя с тех пор запах канифоли запомнил очень хорошо.

И сейчас сквозь кофе я чувствую: кто-то оставил печенье. С корицей! И, кажется, с изюмом. Вот повезло!

Я поскорее складываю раскрошившееся печенье в рюкзак. Пам обожает изюм, вот обрадуется! Потом я нашёл целый орех для Тома. Какой я сегодня удачливый охотник!

...И тут я вижу сыр. Он торчит из бутерброда, он даже не завернут в гадкий полиэтиленовый пакет, он – вот он весь, прекрасный, волшебный кусок счастья! Если бы кофе не перебивал тут всё, как тромбон, – я бы сразу учуял его! Чёрный хлеб с тмином, чуть подсохший. Этот невероятный бутерброд, всего раз откушенный, лежит прямо под объявлением:

«Господа артисты оркестра! Убирайте за собой еду, если не хотите, чтобы в театре завелись мыши!»

Ха, завелись. Мы жили в этом театре, когда самый старший из господ артистов оркестра ещё не появился на свет!

Владелец бутерброда

Кстати, владелец бутерброда, должно быть, совсем не против, чтобы мы «завелись», иначе зачем он оставил здесь это благоухание, это великолепие, этот подарок судьбы?!

Вполне могу себе позволить подкрепиться прямо сейчас. Тем более, подарки для Тома и Пам уже упакованы в рюкзак.

Мои братец и сестрица никогда не ходят в оркестровую комнату. Надо сказать, сюда вообще никто из мышей не ходит, разве что ночью. Потому что в любой момент тут могут включить свет – и уноси ноги!..

Я – другое дело! Я хорошо знаю партитуры. Это такие нотные тетради, в которых показано, что и когда должен играть каждый музыкант в оркестре. Когда все заняты, можно смело идти в пустую оркестровую, и храбрость будет вознаграждена! Потому что я...

А-а-а!..

Щёлк – включается свет, и прямо перед моим носом опускается огромная рука с длинными пальцами!

– Тео, Тео, это я, не бойся.

Уф.

– О! Это ты... Как ты меня напугал!

– Зачем же ты был так беспечен? От сыра теряешь всякое соображение, – говорит мне бородатый человек.

– Это твой бутерброд?

– Да.

– Он... Он для меня?

– Конечно! Конечно, теперь уже да... Здравствуй, Тео, мы забыли поздороваться.

Я обеими лапками жму длинный палец. Ближе к ладони он перемотан пластырем, и другие пальцы тоже.

– Здравствуй, Костя. А почему ты не в яме?

– Ты будто не рад меня видеть! Что же ты – не слышал, что увертюра окончилась?

Забавным словом «увертюра» называют музыкальное вступление к опере или балету. Слушатели настраиваются на оперу, переключаются со своих обычных дел на театр. Ещё в увертюре дают услышать мелодии, которые будут звучать в опере. Как будто музыкальным способом приподнимают занавес, показывают, кто будет действовать в спектакле. Но этого не видно, а только слышно.

– Да, увертюра закончилась, – отвечаю я. – Но музыка продолжается: что ж ты не в яме?

– Так у меня большая пауза! Я подготовил все свои инструменты, сыграл в увертюре на треугольнике – и пока свободен. Ты же знаешь – я сижу возле двери и спокойно могу выйти из ямы во время спектакля. И спокойно выпить чаю, и доесть свой... и сделать себе новый бутерброд!

У Кости самая интересная работа в оркестре; и вместе с тем самая ужасная. Он ударник. Ударников иногда зовут барабанщиками, но это не совсем так. Ударник должен уметь играть не только на барабанах: ещё литавры, тарелки, гонг, ксилофон...

– Кастаньеты, – говорит Костя, – не забудь рассказать про кастаньеты!

– Что значит «рассказать»? Я, что ли, думаю вслух?

– Нет; но у тебя такой вид, словно ты сочиняешь книгу или что-то вроде того. Про музыку, что ли. Так что не забудь про кастаньеты. Они мне, кстати, сегодня пригодятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/dashevskaya_nina/teo-teatral-nyy-kapitan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)